

ЦЭНТР НОВЫХ ІДЭЙ

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА БЕЛАРУССКОГО ОБЩЕСТВА: МАСШТАБЫ И ВАРИАНТЫ ПРОРАБОТКИ

Генадзь Коршунов
Максим Кудревич

Исследование Центра новых идей | декабрь 2022

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА БЕЛАРУССКОГО ОБЩЕСТВА: МАСШТАБЫ И ВАРИАНТЫ ПРОРАБОТКИ

Резюме	3
Введение	4
Теоретико-методическая часть	5
Методологические рамки	5
Методика исследования	6
Ход исследования	7
Результаты исследования	8
Масштабы травматического опыта	8
<i>Физическая травматизация</i>	8
<i>Коммуникативная (ре)травматизация</i>	9
<i>Репрессивная (комплексная) травматизация</i>	10
Степень травматизации	14
<i>Эмоциональная сфера</i>	14
<i>Пространство оценок</i>	17
<i>Поведенческий уровень</i>	20
Копинг-стратегии и вектора динамики	23
<i>Копинг-стратегии</i>	23
<i>Рефлексивная семантика протестов</i>	25
Заключение	29
Рекомендации	31
Список использованных источников	32

РЕЗЮМЕ

Опыт 2020 года хотя и травматичен, но не разрушителен и очень ценен. Он сплотил людей, он проживался на фоне положительных эмоций и с большим смыслом. В частности 2020 год дал людям возможность почувствовать себя достойной нацией

- травматический опыт 2020-21 годов получили практически все беларусы, которые участвовали в протестах или симпатизировали им
- протестные беларусы в большинстве своем не чувствуют себя жертвами и не впадают в “яму травматических переживаний”
- сегодня “протестные беларусы” выбирают в основном “самосохранительные” стратегии, сохраняя при этом проактивные настроения
- для создания позитивной перспективы необходимы комплексные усилия не только непосредственно терапевтического характера, но и консолидирующие смыслы и надежды протеста, объединяющие прошлое, настоящее и будущее

Для этого можно рекомендовать

- НГО/НКО
 - расширять инфраструктуру психологической помощи
 - развивать инициативы, связанные с прогнозированием Беларуси будущего
- политическим акторам
 - разработать версию / версии стратегии развития Беларуси
 - опираться на опыт солидарности беларусского общества, взаимной поддержки, развития национального самосознания и идентичности
- экспертному пулу
 - предложить обществу свое концептуальное видение событий 2020 года
 - предлагать планы и стратегии реформирования страны в целом и различных сфер по отдельности
- журналистскому сообществу
 - решая свои задачи, по возможности держать в уме терапевтическую рамку
 - развивать аналитику, делая упор на производство смыслов

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 году в Беларуси после фальсификаций результатов президентских выборов сотни тысяч людей всех возрастов и социальных групп¹ во всех регионах страны² вышли на протесты против действий режима Лукашенко. Протесты, которые длились несколько месяцев, были жестоко подавлены. В результате десятки белорусов были убиты или пропали без вести³, десятки тысяч прошли через пытки в условиях мест заключения, сотни тысяч были вынуждены покинуть Беларусь.

Уровень репрессий, которые Лукашенко обрушил на Беларусь, часто называют беспрецедентным. Напрямую от них пострадали сотни тысяч человек; опосредованно (через родственников, друзей, знакомых) – на порядок больше. Установить точное количество белорусов, получивших тот или иной травматический опыт, достаточно сложно. Во-первых, реальный масштаб физических репрессий неизвестен: и режим скрывает статистику по репрессиям, и сами репрессированные или их родственники зачастую боятся идти на контакт с правозащитными организациями. Во-вторых, в современных условиях травматическая ситуация расширяется благодаря новым медиа, которые своей аудитории обеспечивают “эффект присутствия” при любых событиях. Это значит, что психологическую травму от силового воздействия режима получали даже те, кто не принимал непосредственного участия в протестах. В-третьих, репрессии, которые начались в 2020 г., продолжают до сих пор и непонятно, когда они пойдут на спад.

По разным оценкам, доля людей, которые после природного бедствия, техногенной катастрофы или военных действий испытывают определенные расстройства, колеблется от 30 до 80%⁴. Учитывая масштаб и длительность белорусских протестов, а также формат их подавления, есть все основания полагать, что белорусская ситуация вполне может описываться подобным интервалом.

В 2020 году белорусское общество пережило комплексный травматический опыт, который не только не отрефлексирован специалистами, но и длится по настоящее время в формате непрекращающейся его ретравматизации. Поэтому мы поставили себе целью изучить масштаб и степень травматизации белорусского общества, выявить используемые белорусами способы противодействия травме, а также определить, каким образом гражданское общество может способствовать тому, чтобы найти способы эффективного преодоления травматического опыта.

1 Проект «Голос улиц» <http://fly-uni.org/prastora/golos-ulicy-sociologicheskie-nabljudeniya/>

2 География белорусского протеста // <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1aqJzkH2B1lewxP-JxmH3RKldYS055IHDS&ll=53.51583078662906%2C27.96393252409684&z=7&fbclid=IwAR3lxmasq50xMx-gX8KUFh1R9Fw0em7-qmle42enJh6CUIISyjrO0PxtKr14>

3 В течение недели после выборов 2020 года в связи с протестами пропало 72 человека. “<https://zn.ua/WORLD/protesty-v-belarusi-pravozashchitniki-naschitali-5-pohibshikh-i-okolo-70-bez-vesti-propavshikh.html> (отметим, что в последствии число погибших в ходе протестов выросло как минимум до 12 человек, а пропавшие без вести в основном нашлись).

4 См. например: Бакалейник М. М. Клинические и социальные особенности комбатантов с посттравматическим стрессовым расстройством, совершивших противоправные действия: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М. 2005; Бундало Н.Л. Актуальные вопросы этиологии посттравматического стрессового расстройства (обзор литературы) / Н.Л. Бундало // Сибирское медицинское обозрение. – 2007, № 1 (42).

Методологические рамки

Одной из главных проблем в изучении коллективной травмы является отсутствие единых концептуальных рамок ее описания, что приводит к процедурному размыванию объекта. В предельных трактовках коллективная травма генерализируется до обобщений философского уровня. В результате складывается ситуация, когда любое социальное изменение рискует пониматься как травма⁵, а вся история XX века – как «посттравматическая»⁶. Такое размытие границ концепта делает затруднительным его использование в прикладном плане.

Вместе с тем есть целое трансдисциплинарное исследовательское поле, которое называется *trauma studies*. После событий 11 сентября 2001 года оно отделяется от *memory studies*⁷, популярного в последнюю четверть XX века междисциплинарного направления исследований. Являясь предметной конкретизацией *memory studies*, *trauma studies* фактически наследует его теоретико-методологические наработки и ограничения. Здесь мы имеем в виду прежде всего выделение двух базовых методологических парадигм:

- **социально-философскую**, которая находится под большим воздействием психоаналитического видения проблемы и ориентирована на изучение механизмов травматизации и природы самой травмы как уникального комплексного феномена;
- **социолого-культурологическую**, что опирается в основном на установки французской социологической школы и нацелена на рефлексию исторических нарративов и их воздействия на большие (религиозные, этнические, национальные и проч.) сообщества.

Объединяющим началом обеих этих парадигм является их «историчность», в которой исток исторической и/или культурной травмы находится в сравнительно далеком прошлом и влияет на особенности коллективной идентичности нескольких поколений одного сообщества. Соответственно, методическим обеспечением этих парадигм выступают преимущественно качественные методы исследований, свойственные истории, психологии, лингвистике, антропологии и т.д.

Особняком от этих парадигм располагается **медико-клиническое** изучение сходной проблематики, связанные с такими феноменами как «посттравматическое стрессовое расстройство» и «психотравма». Относительно правомерности привлечения медико-клинических наработок (как методологических, так и методических) в проблемное поле *trauma studies* среди исследователей нет единого мнения, так как имеются существенные расхождения между предметами исследования. Условно говоря, одни («клиницисты») преимущественно ориентированы на лечение от последствий травматического воздействия конкретного индивида «здесь и сейчас», а другие – на изучение воздействия травмы на общество в целом, причем не «здесь и сейчас», а в исторической, межпоколенной перспективе.

Интересным исключением из этой общей трехчастной схемы является концепция Питера Бэра⁸, которая тем или иным образом объединяет установки всех трех парадигм – социально-философской, социолого-культурологической и медико-клинической.

⁵ См., например: Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. — Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993 или Тощенко Ж.Т. *Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. – Москва : Весь мир, 2020.

⁶ Felman Sh., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Taylor & Francis. 1992

⁷ Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов – М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры» 2003.- 203 с.

⁸ Baehr P. *Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS* // *European Journal of Sociology*. 2005. Vol. 46. №2; Baehr P. *Community of fate*. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*, Singapore: Blackwell Publishing Ltd., 2007.

Свою концепцию исследователь разработал в ходе наблюдения за социальной динамикой в Гонконге во время эпидемии атипичной пневмонии (SARS). Сутью концепции является описание условий, факторов и процессов, происходящих внутри конкретного сообщества (в частности, формирование специфической идентичности), переживающего травматический опыт в актуальном режиме, а не в формате коммуникации между поколениями.

В нашем исследовании мы идем по стопам Питера Бэра преимущественно с опорой на опыт социолого-культурологической школы и конфигурируем существующие наработки в соответствии с требованиями белорусской ситуации. При этом, в отличие от большинства предыдущих исследователей, в методическом плане делаем упор на количественных методах исследования.

Методика исследования

Итак, **предметом** нашего исследования является *коллективная травма*. Вслед за Джеффри Александером под *коллективной травмой* мы понимаем событие или комплекс событий, которые проживаются большим количеством людей и оставляют «неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным, необратимым образом изменяет их... идентичность»⁹.

Вместе с тем мы различаем такие понятия как «травма», «травмирующий опыт» и «посттравматический рост».

Травматический опыт – это ситуация или событие (комплекс событий), стресс от которых находится на грани способностей субъекта (человека, группы, общества) прожить-пережить это событие, сохранив ядро, стержень своей самоидентификации. В этом смысле 2020 год и следующее за ним время безусловно является травматическим для белорусов опытом.

Мы различаем «травматический опыт» и «травму» как потенциальную ситуацию деструкции субъекта (индивида, группы, общества) и один из возможных вариантов разрешения такой ситуации (собственно деструкция). Второй возможный вариант – преодоление субъектом травматической ситуации без деструкции, без разрушения, то есть с сохранением (а, возможно, и с наращиванием) собственной самоидентификации. Этот вариант обозначается как «*посттравматический рост*».

Объектом исследования выступает *белорусское общество в лице своей протестной части* (то есть той части общества, которая не согласна с существующим в Беларуси режимом Александра Лукашенко и тем или иным образом высказывала / высказывает свой протест против режима).

Здесь необходимо уточнение. Как мы писали выше, с теоретической точки зрения, сквозь призму травматизации событиями 2020-22 года можно рассматривать все группы белорусского общества, выделяемые по критерию отношения к власти / протестам. Также сюда следует отнести и белорусов, по политическим мотивам вынужденно покинувших свою страну (географический критерий). Однако сейчас мы ограничиваем объект исследования только той частью белорусов, которые поддерживают протест и остаются в Беларуси. Такой выбор объекта исследования определяется его наибольшей травматизацией по сравнению с другими частями общества, что установлено на предпроектном этапе исследования.

Главной **целью** исследования было выявление специфики травматизации белорусского общества событиями 2020 года и последовавшими за этим репрессиями.

В ходе исследования планировалось решить следующие **задачи**:

⁹ Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // Социологический журнал. – 2012. – №3 – С. 5-40., с. 6

- определить масштабы комплексной травматизации¹⁰ белорусского общества политическими событиями, начавшимися в 2020 году (гипотеза: травматический опыт 2020-21 годов можно считать всеобщим для протестно ориентированной части белорусского общества),
- выявить степень травматизации¹¹ белорусского общества событиями 2020 года на момент лета 2022 г. (на уровне гипотезы мы предполагаем, что степень травматизации, как и ее масштаб, будет высокой),
- описать существующие в обществе стратегии проживания / преодоления травматического опыта и реконструировать перспективные вектора развития коллективной травматизации (гипотеза: в рамках дихотомии “травма vs опыт” коллективная травматизация белорусского общества будет развиваться в преимущественно в сторону травмы),
- разработать для экспертов и лидеров мнений рекомендации по учету особенностей феномена коллективной травматизации белорусского общества в их деятельности.

Ход исследования

Исследование состояло из следующих этапов:

- *предпроектный этап* – вторичный анализ теоретических и эмпирических данных, касающихся предмета исследования;

- *подготовительный этап* – составление исследовательского инструментария (анкета для онлайн-исследования) и его обсуждение (вкуче с обсуждением методики исследования) на круглом столе со специалистами. В число специалистов (6 человек¹²) вошли как психологи-практики, которые оказывали и оказывают помощь пострадавшим от насилия и репрессий режима Лукашенко, так и исследователи-теоретики из различных научных дисциплин (психология, философия, культурология);

- *«полевой» этап* – сбор первичной социологической информации в коллаборации с проектом «Народный опрос». Сбор информации проходил путем онлайн-опроса на базе мессенджера «Viber» с 8 по 10 августа 2022 года (CAWI – веб-интервью с помощью компьютера). Выбор именно этого метода определяется несколькими причинами, главной из которых является обеспечение максимальной безопасности для респондентов. Кроме того, на сегодняшний день интернет-опросы дают вполне валидную информацию о состоянии общественного мнения городского населения Беларуси (доля городского населения в Республике Беларусь составляет порядка 80%; доля людей, которые ежедневно пользуются услугами сети Интернет, составляет более 85%).

Объем выборки составил 2326 человек (дополнительно к этому было опрошено 322 белоруса, находящихся сейчас вне Беларуси).

- *аналитический этап* – подготовка финального отчета по исследованию, которому предшествовали:

- обсуждение полученных результатов с пулом экспертов, которые принимали участие в предварительном обсуждении методики и инструментария исследования);
- публикация промежуточных результатов исследования на сайте Центра новых идей и в независимых медиа¹³;

¹⁰ Под масштабом травматизации понимается количество людей, охваченных травматическим опытом.

¹¹ Под степенью травматизации понимается уровень деструктивных последствий травматизации (если они есть).

¹² К сожалению, в условиях царящих в Беларуси репрессий, мы не можем озвучить их имена и научные степени.

¹³ См. Приложение 1.

- дополнительное исследование в коллаборации с «Беларусской инициативой» Chatham House¹⁴ (следует отметить, что между базовым исследованием и дополнительным прошло три месяца. Теоретически, этот временной лаг может сказаться на особенностях сравнения данных, однако мы считаем, что воздействие этого временного лага не имеет критического значения).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Масштабы травматического опыта

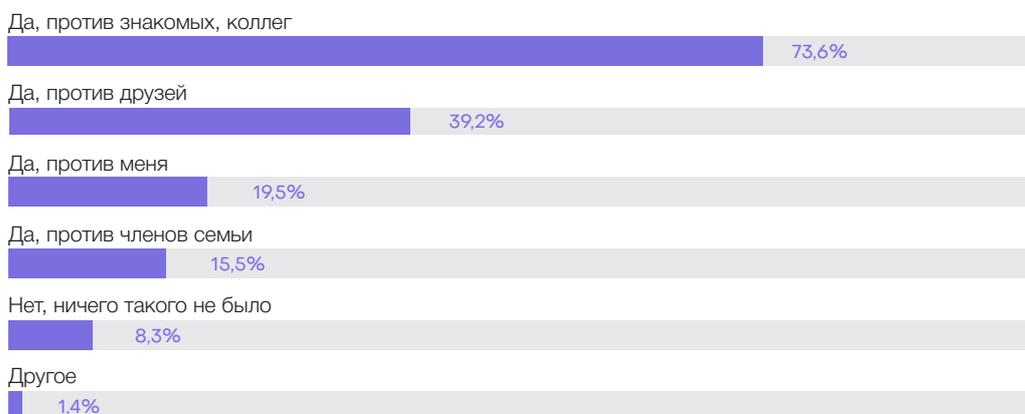
Травматический опыт – это проживание событий, которые находятся на грани способностей субъекта (индивида, группы, общества) прожить их и сохранить свою целостность (физическую, психологическую, идентичностную и т.д.). Такой опыт имеет комплексный характер и складывается из многих уровней.

Физическая травматизация

Базовым уровнем травматизации мы считаем физическое переживание субъектом ситуации того или иного контакта с насилием. Важно, что это переживание может быть как непосредственным, так и опосредованным. В первом случае имеется в виду тот вариант, когда насилие применяется непосредственно к человеку. Во втором случае – когда насилие применяется не к самому человеку, но к близкому для человека субъекту (например, члену семьи – к супруге или супругу, к родителям человека или его детям). Примененное против людей насилие может опосредованно воздействовать на человека и тогда, когда оно воздействовало на его друзей, знакомых, коллег.

Для выявления масштаба коллективной травматизации на данном уровне задавался специальный вопрос, в формулировке которого для избежания разночтений в понимании того, чем является “насилие”, целенаправленно перечислялись те виды насилия, которые власти применяли при разгоне мирных манифестантов в 2020 году: резиновые дубинки, светошумовые гранаты и проч.

График 1. Распределение ответов на вопрос «В 2020 году применялось ли насилие (резиновые дубинки, слезоточивый газ, светошумовые гранаты, водометы и др.) во время разгона маршей против Вас, Ваших близких, друзей или знакомых?» (%)

¹⁴ Объем выборки 858 человек; сроки проведения – с 11 по 20 ноября 2022 года; генеральная совокупность – городское население; метод сбора информации – CAWI.

Результаты исследования показывают, что в течении 2020 года непосредственно на себе тот или иной вид насилия ощутил каждый пятый из опрошенных (19,5%). Среди регионов страны наибольшая доля тех, кто указал эту позицию, ожидаемо отмечается по г. Минск – 26,0%¹⁵. Наименьшие доли – существенно меньшие – непосредственно пострадавших от насилия фиксируются в Гомельской и Могилевской областях (4,7% и 9,9% соответственно). Еще 15,5% респондентов указали, что насилие применялось по отношению членов их семей. О насилии против своих друзей заявили 39,2% респондентов, а против знакомых и коллег – 73,6%.

О том, что насилие не применялось ни к кому, с кем человек общается, заявили всего 8,3%. Наибольшие доли ответов об отсутствии в ближайшем социальном окружении людей, пострадавших от насилия, отмечено в Могилевской области – 26,4%; за ней идут Гомельская и Витебская области – 16,2% и 14,1% соответственно.

По данным исследования проведенного Chatham House, в пересчете на все городское население ситуация с масштабом травматического опыта выглядит далеко не так остро. О том, что насилию подвергся кто-либо из ближайшего окружения, утверждают лишь 9,3% опрошенных. Остальные 90,7% говорят, что во время уличных протестов никто из их знакомых под каток насилия не попал.

Коммуникативная (ре)травматизация

Следующий вариант контакта с насилием – визуальный, который обеспечивает усиление и закрепление эмоционального переживания насилия. В результате такого контакта формируется так называемая «травма свидетеля», когда наблюдение травмирующих событий (без их непосредственного проживания) формирует поведенческую и когнитивную дефицитарность¹⁶. В современном информационном обществе благодаря тому эффекту присутствия, который обеспечивается новыми медиа, «травма свидетеля» дополняется – и усиливается – медийной составляющей. «Медиатравма»¹⁷ не только обеспечивает «эффект присутствия» в травматической ситуации, но может способствовать и ретравматизации, т.е. повторной травматизации субъекта.

Результаты исследования показывают, что визуальный контакт с насилием в ходе протестов 2020 года был у подавляющего большинства (88,0%) представителей пропротестной части белорусского общества. При этом практически половина (49,6%) респондентов указали, что они были непосредственными свидетелями насилия против протестующих.

Среди очевидцев насилия преобладают скорее мужчины (56,1% против 45,8% женщин), люди в возрасте до 50 лет (среди них доля «свидетелей» больше 50%, среди более старших возрастных групп – меньше 45%) и респонденты со средним доходом. С точки зрения регионального распределения, наибольшее количество очевидцев насилия отмечается в Минске – 62,2% опрошенных видели насилие на улице своими глазами; наименьшее – в Гомельской и Могилевской областях (24,0% и 26,1%).

О том, что насилия не видели ни на улице, ни в сети, указали только 12,0% опрошенных. Впрочем, и они «из первых рук» знают о насилии, которое творилось на улице – либо от тех, кто его пережил, либо от тех, кто его видел. В Гродненской и Минской областях

¹⁵ Больше количество таких ответов фиксируется только среди белорусов, покинувших территорию Беларуси – 30,7%.

¹⁶ Gaurav Patki, Ankita Salvi, Hesong Liu, and Samina Salim “Witnessing traumatic events and post-traumatic stress disorder: insights from an animal model” *Neurosci Lett.* 2015 July 23; 600: 28–32 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4702492/pdf/nihms699708.pdf>

¹⁷ Под медиатравмой мы понимаем деструктивные последствия от контакта с информацией, содержащих описания – как визуальные, так и нарративные – насильственных действий. (для сравнения: о масштабе медиатравмы среди населения в Украине в период российско-украинской войны 2022 года см. <https://mbr.com.ua/ru/news/varia/4840-psixologicna-dopomoga-zurnalistam>).

источниками такой информации часто становились те, кто сам пережил это насилие; в Брестской области относительно велика доля тех респондентов, кто о насилии на улицах белорусских городов узнавал от тех, кто увидел его в сети Интернет.

Если обобщить вышеизложенное, то можно констатировать, что протестная часть белорусского общества имеет практически 100%-й охват личным (физическим и/или эмоциональным) травматическим опытом.

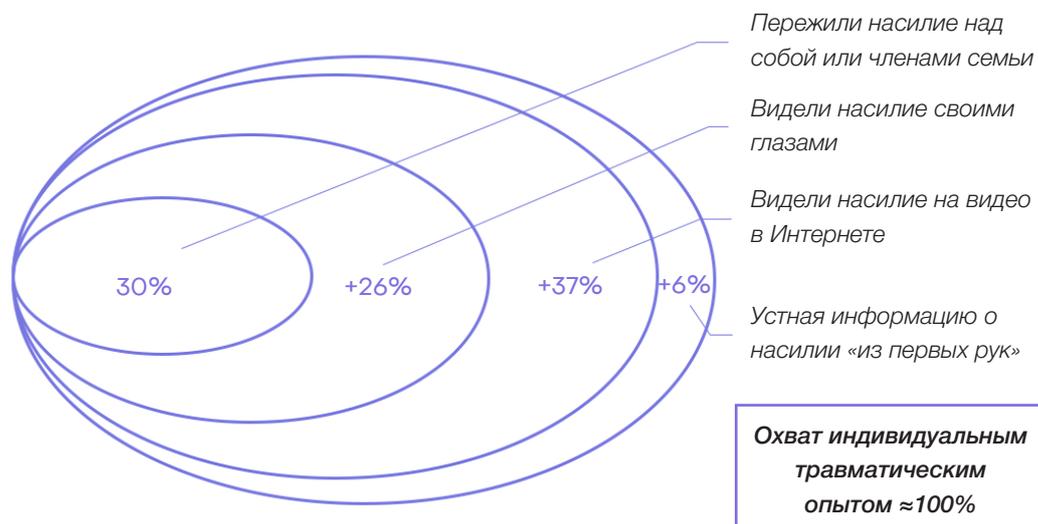

Рисунок 1. Доли форматов личной сопричастности с насилием против протестующих

Репрессивное (комплексное) давление

Насилие со стороны режима по отношению к протестующим не ограничивается нелимитированным применением силы против протестовавших на улицах белорусских городов. Перечень репрессивно-насильственных инструментов гораздо шире – от задержания на неопределенный срок без какого-либо официального оформления до уголовного преследования¹⁸.

Исследование показало, что опыт временного лишения свободы весьма обширен – подавляющее большинство протестно настроенных белорусов имеет в своем ближайшем окружении тех людей, которые по политическим мотивам тем или иным способом попали в «разработку» органов правопорядка Республики Беларусь. Нет таких контактов лишь у 9,5% опрошенных.

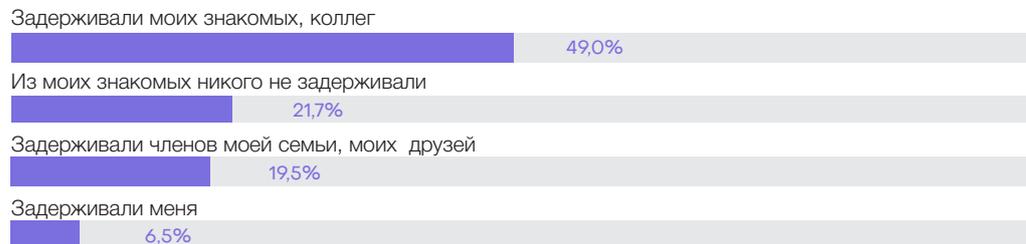
По политическим мотивам задержания «без оформления» – то есть задержали и спустя какое-то время выпустили без какого-либо административного или уголовного наказания¹⁹ – лично пережили 6,5% опрошенных. Еще 19,5% указали, что такие задержания происходили с членами их семей, и 49,0% – с их знакомыми, коллегами. Задержания с административными наказаниями (штрафы) получали 7,0% респондентов; 23,7% отметили, что такому наказанию были подвергнуты члены их семьи, и 69,1% – знакомые и коллеги.

¹⁸ Многие из этих форматов репрессий проходят в сопровождении с избиениями, запрещенными видами обращения и пытками («Массовые пытки в Беларуси: 2020 – 2021 (Четвертый промежуточный отчет: условия содержания в местах несвободы с августа 2020 года по май 2021 года)» <https://drive.google.com/file/d/1BdRF2t5umJl7JTD9mT7RaxPmeJdMJpbi/view>).

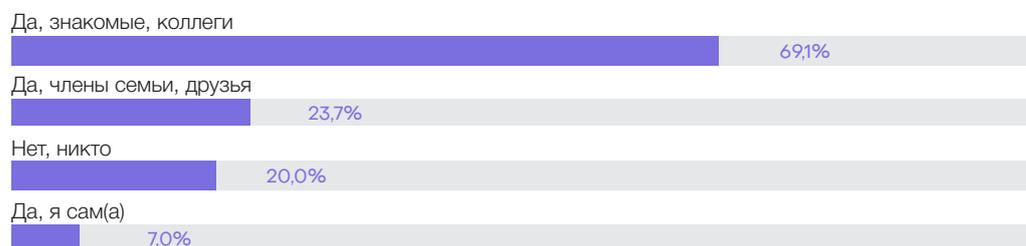
¹⁹ Такой формат контакта с представителями силовых органов был особо распространен в период с 9 по 11 августа 2020 года.

График 2. Распределение ответов по вопросам, связанным с задержаниями и арестами протестующих (%)

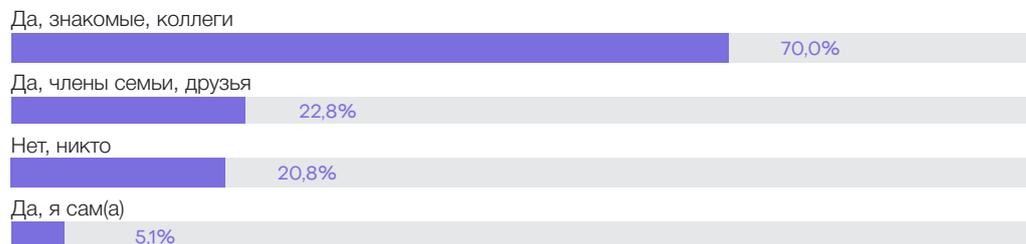
Случались ли с Вами или Вашими близкими, друзьями или знакомыми задержания по политическим мотивам, но без последствий (т.е. задерживали, однако потом отпустили без судебных заседаний, без штрафов и сроков)?

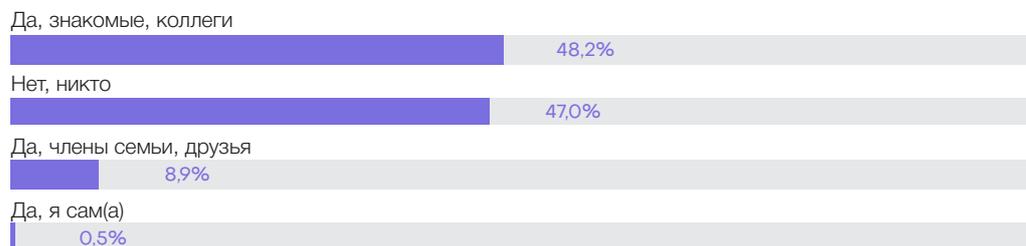
Подвергались ли Вы сами, Ваши близкие, друзья или знакомые административному наказанию (штрафы) по политическим мотивам после августа 2020 года?

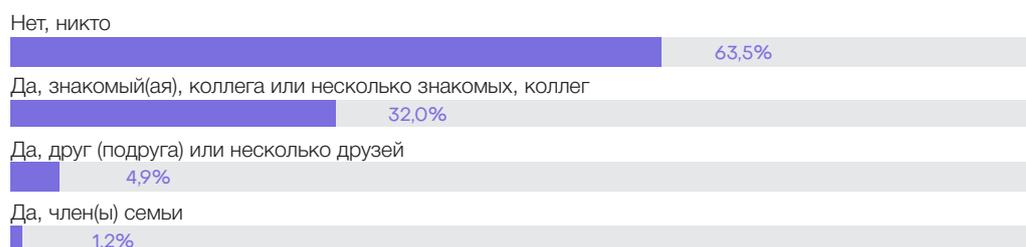
После августа 2020 года попадали ли в места заключения “на сутки” по политическим мотивам Вы сами, Ваши близкие, друзья или знакомые?

После августа 2020 года получали ли по политическим мотивам сроки, большие чем “сутки”, Вы сами, Ваши близкие, друзья или знакомые?

Находятся ли сейчас в местах заключения кто-то из Ваших близких, друзей или знакомые по политическим мотивам?

Задержания с присуждением «суток» получали 5,1% опрошенных, у 22,8% респондентов такому наказанию подвергались члены их семей, у 70,0% – на «сутках» побывал кто-то из друзей или коллег. В белорусской репрессивной системе распространена практика повторных «перезадержаний», когда попадая на сутки человек, не выходит на свободу, потому что ему присуждают очередные сроки за все новые и новые эпизоды, связанные с протестами²⁰. О попадании в такую репрессивную цепочку членов своей семьи сказали 8,9% опрошенных, 48,2% знают про такие случаи среди своих знакомых или коллег.

На момент опроса (август 2022 года) в местах заключения у 6% респондентов находился кто-то из членов семьи или близкий друг/подруга (или несколько друзей), а у 32% – знакомый или коллега. По сравнению с другими форматами травматического опыта, связанного с местами заключения, здесь мы наблюдаем не самые высокие показатели. Однако это, пожалуй, один из наиболее деструктивных видов опыта, который оказывает широкое негативное воздействие не только на самого заключенного, но травмирует и его семью, друзей, знакомых и коллег. Поэтому цифру в 36,5% респондентов, у которых кто-то находится в местах заключения, следует трактовать как весьма высокую.

Если говорить о территориальной специфике распределения травматического опыта в связи с местами несвободы, то безусловным лидером здесь будет выступать столица Беларуси – город Минск. И это вполне ожидаемый результат. Хотя в августе 2020 года протесты вспыхнули по всем районам Беларуси, уже осенью они сконцентрировались преимущественно в Минске. На втором месте по объему травматического опыта находится Гродненская область. В этом регионе особенно высока доля тех, кто подвергся задержанию без какого-либо официального оформления (14,8% по области против 6,5% по стране в среднем). Наименьший масштаб травматического опыта, связанного с местами заключения, фиксируется по Могилевской и Витебской областям.

Для полноты картины разберем еще один уровень травматизации – это различные формы давления и преследования несогласных с режимом белорусов, не связанные непосредственно ни с насилием на улицах, ни с административным либо уголовным преследованием.

График 3. Распределение ответов на вопрос «Коснулись ли Вас лично следующие виды репрессий по политическим мотивам?» (%)

²⁰ Видимо рекордсменом по количеству таких перезадержаний является студент БГУИР Ян Солоневич, которого в общей сложности осудили на 114 суток административного ареста по девяти эпизодам участия в акциях протеста («Приехал мой начальник из КГБ и сходу начал орать»: студент Ян Солоневич — о своих 114 сутках ареста <https://reform.by/204383-priehal-moj-nachalnik-iz-kgb-i-shodu-nachal-orat-student-jan-solonovich-o-svoih-114-sutkah-aresta>)

Самым распространенным способом такого давления являются профилактические беседы, которые проводятся начальством по месту работы. О фактах таких бесед говорят 44,6% опрошенных. Чаще прочих о таком типе давления свидетельствуют жители Могилевской, Гомельской и Витебской областей, где с профилактическими беседами сталкивались больше половины опрошенных.

Со значительным отрывом на втором месте среди способов давления на население находятся угрозы со стороны представителей силовых ведомств (16,9%; чаще прочих с ними сталкиваются жители Гродненской и Минской областей). На третьем месте – проверка телефонов (13,0%; здесь безусловным лидером является Гродненская область, где телефоны проверяют практически в два раза чаще, чем в любой другой области). И еще каждый восьмой из опрошенных говорит, что его уволили с работы или прекратили с ним трудовой контракт (увольнений меньше всего в Брестской и Минской областях, по остальным регионам этот тип давления представлен равномерно).

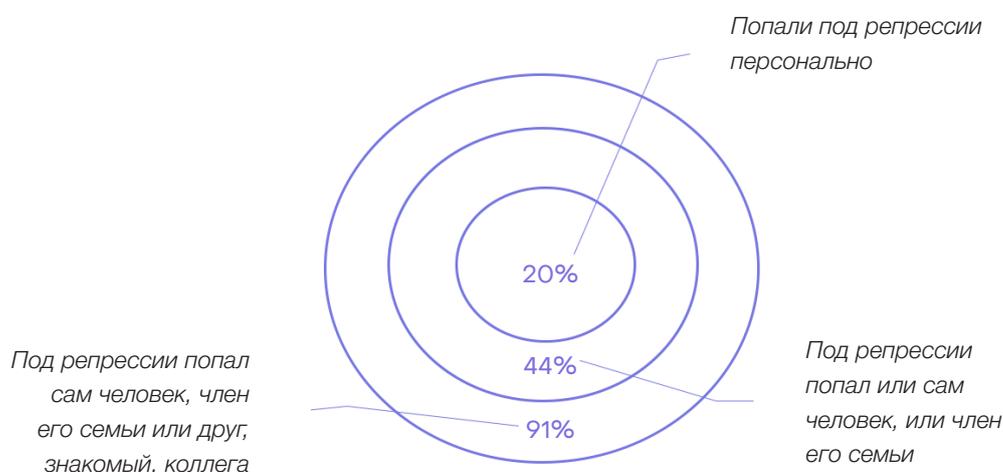

Рисунок 2. Доли форматов сопричастности с репрессивным давлением режима

Объединяя данные об объемах сопричастности физическому насилию и разным формам репрессивного давления режима, мы констатируем, что не только травматический опыт является всеобщим, но и масштаб ретравматизации протестной части белорусского общества оказывается практически тотальным.

Таким образом, нашу гипотезу о том, что травматический опыт 2020-21 годов для протестно ориентированной части белорусского общества является всеобщим, можно считать доказанной.

При этом следует указать, что если смотреть на данные исследования Chatham House, на уровне всего городского населения Беларуси получается следующая картина. В целом с тем или иным видом репрессий против протестующих сталкивались (непосредственно или через свое ближайшее окружение) 32,5% респондентов: 9,3% – с насилием, 20,3% – со штрафами и/или арестами, 21,8% – с давлением со стороны начальства или силовых органов.

Прежде чем перейти к следующему разделу, следует отметить, что максимальный уровень травматического опыта демонстрируют те респонденты, которые были вынуждены покинуть Беларусь. Именно среди них наибольшие доли тех, кто прочувствовал на себе насилие со стороны правоохранителей на улицах белорусских городов (30,7% против 19,5% в среднем по выборке), либо под это насилие попадали члены их семей (19,2% vs 15,5%). В рамках сравнения средних значений именно они чаще получали угрозы со стороны силовых органов (38,9% vs 16,9%), получали штрафы (15,9% vs 7,0%) и «сидели на сутках» (14,8%

vs 5,1%), опять же как сами, так и члены их семей. Собственно, главная причина их выезда за границу (и масштабной миграции 2020-21 годов из Беларуси) связана с репрессивным давлением режима на своих противников.

Однако тот факт, что эти люди покидают территорию Беларуси, далеко не всегда является для них выходом из травматической ситуации. Практика показывает, что существенная часть мигрирующих из страны белорусов попадают в иную, пусть менее, но тоже травматичную ситуацию. В условиях чужой страны зачастую происходит вынужденное снижение качества социально-экономических составляющих жизни мигрантов, что накладывается на культурный шок от нахождения в незнакомой языковой и культурной среде. Кроме того, в разных странах институты поддержки и интеграции мигрантов работают с разной эффективностью; есть особенности по отношению к мигрантам и со стороны местных жителей²¹. Все это касается и белорусов, отношение к которым существенно изменилось после начала российско-украинской войны, где Республика Беларусь благодаря режиму Александра Лукашенко оказалась в статусе соагрессора.

Коллективная травма белорусской диаспоры – важный вопрос, который требует отдельного изучения. Потому что разница травматического опыта, который накапливают белорусы по обе стороны государственной границы Республики Беларусь, может стать основой для глубокого, затрагивающего основы идентичности, раскола между разными сообществами – «оставшихся» и «уехавших» – белорусов.

Степень травматизации

Под степенью травматизации мы понимаем кумулятивный эффект от воздействия событий 2020 года на эмоциональную сферу, на пространство оценок прошлого-настоящего-будущего и на базовые поведенческие модели коллективного субъекта.

Эмоциональная сфера

С содержательной точки зрения, весь объем эмоций, которые респонденты испытывают относительно 2020 года, можно разделить на три блока (по ответам на открытый вопрос «Какие чувства вызывают у Вас сейчас события 2020-2021 годов в целом?»).

В первый, самый объемный блок (больше двух третей всех выборов²²) входят эмоции положительного и «проактивного» спектра. В их числе «гордость за народ и восхищение героями», «душевный подъем, радость», «надежда и оптимизм», «ощущение единства». В этот же раздел мы относим и такие ответы как «злость, ярость (по отношению к силовикам и государству)», «жажда справедливости», «отвращение к силовикам». Мы не будем затрагивать значение этих эмоций для индивидуального переживания травматического опыта. В связи же с коллективной травматизацией доминирование в обществе эмоций именно такого представляется тем трендом, который способен перевести травматический опыт не в травму, а в посттравматический рост. По крайней мере, в потенциале.

Второй блок эмоций, составляющие которых в сумме набрали несколько меньше 50% выборов, состоит из таких элементов как обида, грусть, сожаление и разочарование. Эти эмоции имеют разную направленность. Они касаются и ситуации 2020 года (ее «незавершенности»), и действий силовиков, и активности белорусов, и «обидно за пострадавших». Такая разновекторность отставляет возможность для проработки данной проблематики и канализации энергии в терапевтическое или, как минимум, сохранное русло.

²¹ Алампиев О., Биканов Ф. Результаты социологического исследования «Беларусы в Польше, Литве, Грузии: отношение к войне, помощь Украине, дискриминация» (август 2022) <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/19480.pdf>

²² От числа ответивших. Затруднились ответить на этот вопрос 26% респондентов. Сумма ответов может быть больше 100%, так как ответы респондентов могли одновременно попадать в несколько разных смысловых позиций.

Третий блок – это блок травмы (бессилие, страх, отчаяние, боль, горе). Это хотя и самый небольшой (суммарно доля его выборов меньше трети), но наиболее драматичный блок. Он отражает именно то, что можно назвать «застреванием в травме», которое на уровне общества может приводить к формированию пассивности, аморфности, к укреплению синдрома «выученной беспомощности».

В целом, получившееся распределение эмоций относительно событий 2020 года следует признать достаточно оптимистичным, потенциально способствующим скорее выходу на посттравматический рост, нежели «скатыванию в травму».

Вместе с тем нужно иметь в виду и тот факт, что подавляющее большинство опрошенных демонстрируют высокий уровень эмоциональной включенности в драматическую составляющую событий 2020 года. Здесь имеется в виду больше негативные, связанные с опасностью моменты того периода. Респонденты до сих пор «проживают» их: три четверти от всех опрошенных спустя два года ощущают флешбэки протестного «2020-го». Причем почти у половины из них эти вспышки воспоминаний и всплески эмоций случаются часто (субъективная оценка респондентов). Образно выражаясь, девиз, высказанный в одном из интервью, остается актуальным: «Мой 2020 всегда со мной»²³.

Наибольшие доли респондентов, отметивших наличие флешбэков, в Гродненской области, в Минске и в Брестской области (77,3%±0,5%). Чуть меньше их в Витебской, Минской и Могилевской областях (74,4%, 73,5% и 71,3% соответственно), а относительный минимум – в Гомельской области²⁴ (65,6%). Наиболее чувствительными к вспышкам воспоминаний являются женщины (80,9% против 69,9% у мужчин). Также отмечается определенная зависимость от возраста – наименьшая доля «ловящих флешбэки» в группе 18-30-летних (71,5%), затем эта доля постепенно возрастает и в группе людей в возрасте 51-60 лет составляет 81,3% (в самой старшей возрастной группе – 78,3%).

График 4. Распределение ответов на вопрос «Переживаете ли Вы тем или иным образом события 2020-2021 годов сейчас? Вспоминаете ли Вы их, снятся ли они Вам, случаются ли внезапные “вспышки воспоминаний” (флэшбэки), всплески эмоций?» (%)

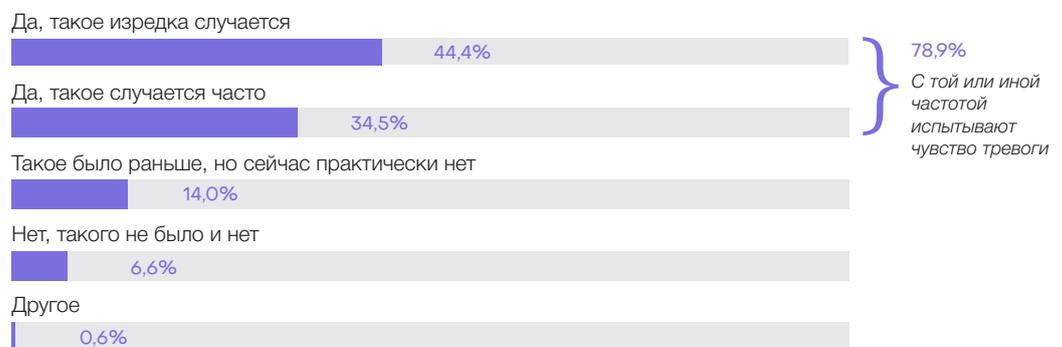
²³ На уровне всего городского населения эмоциональная включенность в события 2020 года существенно ниже. С той или иной частотой «ловят флешбэки» 32,7%; у 8,5% они раньше были, сейчас прошли; 58,8% никогда такие феномены не мучали (по данным исследования Chatham House).

²⁴ Помимо сравнительно меньшего уровня травматического опыта и ограниченного количества прямых свидетелей насилия Гомельская область специфична еще в одном аспекте – вероятно, именно на население Гомельской области наибольшее воздействие оказало соучастие Беларуси в российской агрессии против Украины. Именно в Гомельской области концентрировались российские войска перед наступлением на Киев, на ее территорию они позже выводились из-под Киева, там же квартировались перед отправлением в Россию. В силу этих событий для части населения этой области события 2020 года могут быть эмоционально «затерты» новыми стрессовыми переживаниями, связанными с российско-украинской войной.

В качестве задела на будущие исследования следует обратить внимание на 13,7% опрошенных, которые указали, что «раньше флешбэки были, но сейчас уже нет». Может ли факт избавления от флешбэков свидетельствовать о перспективе избавления от травматических переживаний? На уровне индивида – наверняка так и происходит, но что эти проценты значат на уровне общества – пока не понятно. Необходимы дополнительные исследования для отслеживания динамики таких данных.

Эмоциональная значимость событий двухлетней давности существует не сама по себе. Она тесно связана с вероятностью негативных последствий, которые сегодня могут иметь место для человека за участие в событиях 2020 года. Респонденты закономерно ощущают беспокойство, так как до сих пор продолжаются задержания, аресты и суды над теми, кто два года назад участвовал в протестах²⁵. Подобная динамика событий провоцирует у людей опасения за собственную безопасность: чувство тревоги и ощущение персональной опасности сегодня актуальны для 78,9% респондентов (для 35% – очень актуальны).

График 5. Распределение ответов на вопрос «Испытываете ли Вы беспокойство, тревогу по поводу последствий этих событий для Вас лично и если испытываете, то как часто?» (%)

В распределениях ответов на этот вопрос обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, степень эмоциональной включенности и уровень тревожности респондентов почти совпадают (так же совпадают доли тех, кто избавился и от переживания эмоциональных вспышек, и от чувства беспокойства, от тревожности). Во-вторых, отмечается сравнительно равномерное географическое распределение тревожности: по Минску, Гродненской, Витебской и Брестской областям – на уровне 80%±0,5%. 75,3% – Минская область, 73,3% – Гомельская область и 72,4% – Могилевская (для сравнения: уровень беспокойства среди тех, кто покинул Беларусь, составляет 75,8%).

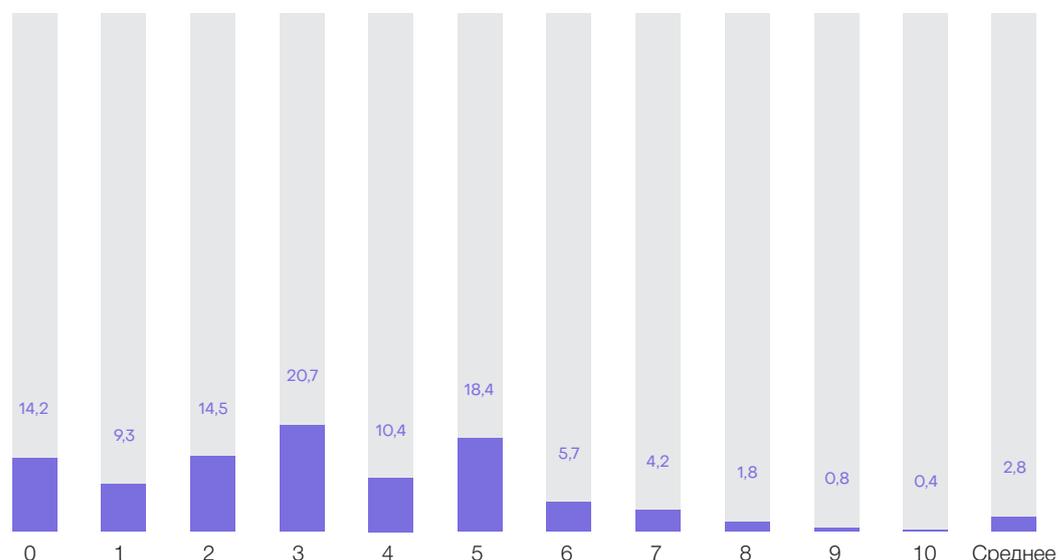
Учитывая описанную выше географическую разницу в сопричастности травматическому опыту, такое сравнительно гомогенное распределение эмоциональной травматизации может свидетельствовать о силе воздействия медийной составляющей на формирование коллективной травмы.

Уровень тревожности/небезопасности среди протестной части общества крайне высок – в среднем он составляет 2,8 балла (по 10-балльной шкале, где 0 = полное отсутствие безопасности, постоянное беспокойство, а 10 = абсолютная безопасность и спокойствие).

Если посмотреть на распределение ответов, то мы увидим, что почти четверть опрошенных находится в состоянии перманентного стресса – чувство безопасности на нуле или на уровне абсолютного минимума в 1 балл. 70% оценок находится в зоне тревожности (меньше 5 баллов) и еще почти 20% – на условно «нейтральной пятерке».

²⁵ BELARUS CHANGE TRACKER: June–August 2022 - <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/19563.pdf>

График 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы ощущаете себя в безопасности сейчас? Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале, где 0 = полное отсутствие безопасности, постоянное беспокойство, а 10 = абсолютная безопасность и спокойствие» (%)

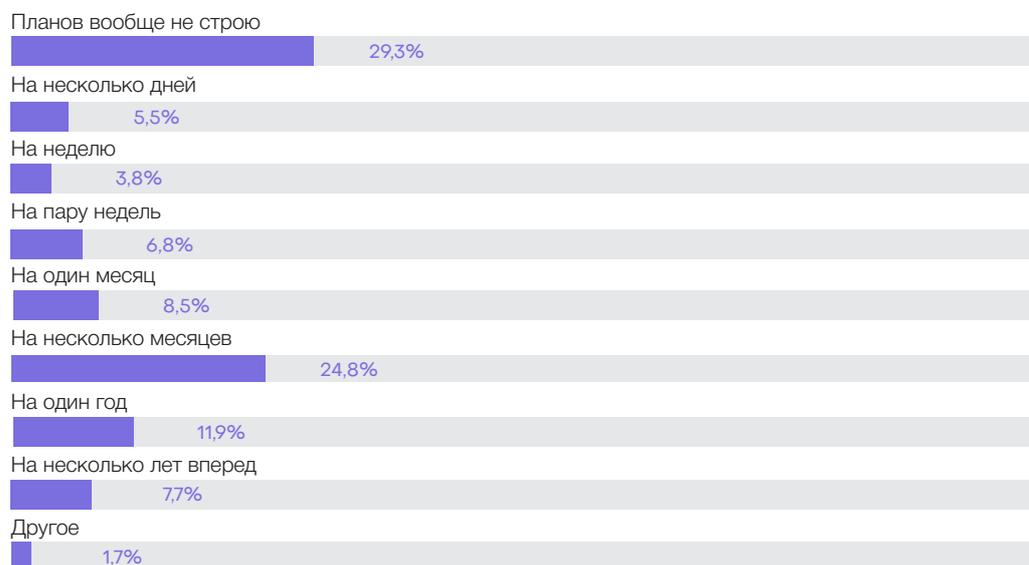

Подытоживая блок эмоциональной составляющей травматизации, можно констатировать, с одной стороны, сохранение эмоциональной включенности в события 2020 года, с другой – повышенную тревожность, вызванную перспективами репрессий, связанными с теми событиями.

Пространство оценок

На высокий уровень тревожности, описанный в предыдущем разделе, указывают и распределения ответов на вопрос о горизонтах планирования, то есть о том, на какой срок люди строят свои жизненные планы. Исследование показывает, что долговременные планы (на год и больше) строят меньше 20% респондентов. В тоже время 38,6% опрошенных либо вообще не строят никаких планов, либо их планирование не простирается дальше одной недели.

График 7. Распределение ответов на вопрос «Учитывая нынешнюю ситуацию, как далеко вперед Вы строите свои планы?» (%)

Такие результаты говорят о том, что в актуальном моменте (лето 2022 года²⁶) общество находится в стрессовой ситуации, в ощущении непредсказуемости, когда невозможно контролировать и распоряжаться своей жизнью. Образно говоря, большинство респондентов сейчас живет без ощущения и понимания будущего, когда все жизненно пространство сужается до крайне тревожного «здесь и сейчас».

Проблематизация будущего, отсутствие вариантов его видения и понимания того, когда и что может быть – это главная сложность, которая характеризует современную ситуацию. Собственно, в ответах на вопрос о том, какие основные проблемы стоят сегодня перед респондентами в связи со сложившейся социально-политической ситуации, именно эти два вопроса занимают верхние места в топе проблем: не ясно, как жить сейчас и на какие будущие перспективы ориентироваться в будущем. Их указали 81% и 72% респондентов соответственно. Как мы видим, отрыв этих двух позиций от последующих весьма существенный – практически 50%, что лишний раз свидетельствует об их критической значимости. Наибольшую озабоченность такими вопросами высказывают молодые люди (чем старше возрастная группа, тем меньше озабоченность будущим), а также жители Минска, Минской и Брестской областей; наименьшую – жители Гомельской области.

График 8. Распределение ответов на вопрос «В чем для Вас состоят основные проблемы, связанные со сложившейся социально-политической ситуацией?» (%)

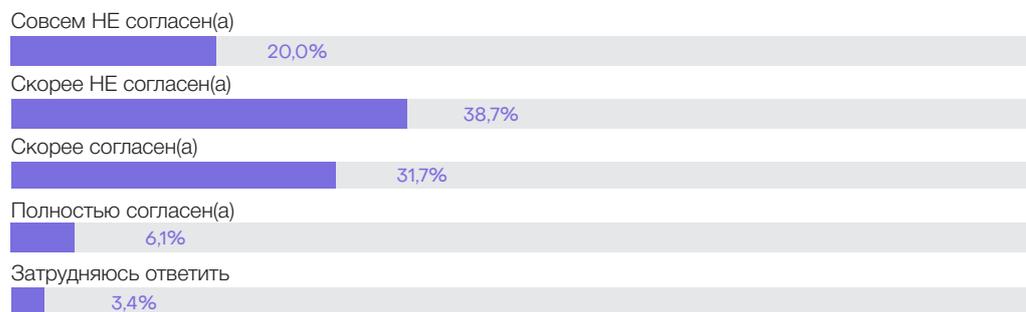
Преобладание тревоги в оценках актуальной ситуации, отсутствие позитивного видения будущего – эти негативные моменты несколько уравновешиваются тем, как белорусы видят свое прошлое, а именно события 2020 года. А их белорусы оценивают если не полностью, то в основном положительно.

Так, в частности, больше половины опрошенных (58,7%) считают, что протесты, которые начались в 2020 году, еще не закончились и не проиграли. Понятно, что это мнение сторонников протестов, но тем оно и важно: тот, кто поддерживал протесты, после нескольких лет направленных против них репрессий и «закатывания в асфальт» любых проявлений свободы, свой протестный опыт до сих пор не рассматривают как проигрыш.

Наибольшая доля таких оптимистично настроенных людей в Минске, а также в Минской, Брестской и Гродненской областях (респонденты из Витебской и Могилевской областей менее уверены в означенных оценках). Что интересно, пессимистов сравнительно больше среди молодежи и представителей более обеспеченных слоев населения.

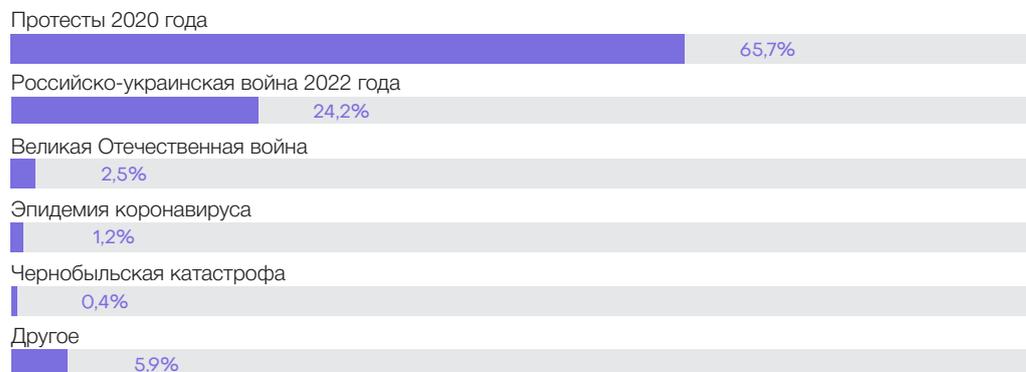
²⁶ В феврале 2022 года начался очередной активный этап российско-украинской войны, где Беларусь выступила в качестве страны-соагрессора. Это создало совершенно особую ситуацию: подвергся пересмотру положительный образ белорусов как нации (беларусы – агрессоры), запустило новую волну антивоенной деятельности (беларусы – партизаны), репрессии против общества со стороны режима получили дополнительный стимул и ряд других моментов. Однако в настоящем исследовании мы оставляем эти факторы вне фокуса рассмотрения, анализируя фактически лишь события 2020-21 года.

График 9. Распределение ответов на вопрос «Есть мнение, что протестное движение 2020 года потерпело поражение. Вы согласны с таким мнением или не согласны?» (%)

Об уровне оценок и значимости прошедших событий 2020 года много говорит их сравнение с иными событиями из новейшей истории Беларуси (в частности, с эпидемией коронавируса, с Чернобыльской катастрофой и проч.). Среди всего предложенного списка исторических событий протесты 2020 года являются безусловным лидером с точки зрения оценки наибольшего перспективного воздействия на белорусов как на нацию. В качестве такового протесты выбрали две трети опрошенных (65,7%). Следующим в иерархии событий респонденты поставили российско-украинскую войну 2022 года – от протестов она отстает на 40% (ее выбрали 24,2%). Это на момент лета 2022 года; нельзя исключать того варианта, что спустя некоторое время эта война может набрать большее количество выборов.

График 10. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое событие оказало или окажет наибольшее воздействие на белорусов как на нацию?» (%)

Остальные события, как мы видим, на фоне протестов и войны собирают минимальные проценты выборов. Даже Великую Отечественную войну выбрали всего 2,5% опрошенных (эпидемию коронавируса указали 1,2%, Чернобыльскую катастрофу – 0,4%)²⁷.

Обобщая данные по сфере оценок, можно сказать, что здесь мы имеем амбивалентную ситуацию: с одной стороны, негативные оценки настоящего и будущего, с другой – преимущественно позитивные оценки прошлого (а именно протестного 2020 года).

²⁷ На уровне всего городского населения страны ситуация выглядит так: ВОв – 29,6%, протесты 2020 года – 28,0%, российско-украинская война – 6,6%, эпидемия коронавируса – 6,4%, Чернобыльская катастрофа – 6,3% (по данным исследования Chatham House).

Поведенческий уровень

На поведенческом уровне разница, выявленная между различными временными пластами, сохраняется. Только на уровне поведения разница пролегает не между прошлым и настоящим-будущим, а между прошлым-настоящим и будущим.

События 2020 года интерпретируются в положительном ключе, люди не испытывают относительно них какого-либо разочарования. Скорее даже наоборот – весома доля тех, кто считает, что в то время действовать стоило более радикально. Такой вывод следует из распределения ответов на вопрос о том, как бы человек действовал, если бы была возможность заново прожить протесты 2020 года.

График 11. Распределение ответов на вопрос «Если бы была возможность вернуться в 2020 год, как бы Вы действовали – повторили бы то, что тогда делали, действовали бы более активно или, наоборот, отказались бы от какой-либо активности?» (%)

Как мы видим, в гипотетической ситуации повторения протестов 2020 года половина опрошенных (51,5%) придерживалась бы той же стратегии, что и раньше. Немногим меньшая доля (40,5%) готова были бы действовать более активно (сравнительно больше таких людей в Брестской, Витебской и Гродненской областях; отметим, что доля таких людей выше среди молодежи). О снижении активности или о полном отказе от нее говорит совершенный минимум – 2% – опрошенных (больше всего таких респондентов в Гомельской области). То есть подавляющее большинство респондентов считают, что в 2020 году они все делали правильно.

Значимым индикатором общего состояния поведенческо-повседневного уровня является динамика внутрисемейных процессов; в нашем случае – специфика воздействия событий 2020 года на отношения в семье²⁸.

Исследования показывают, что белорусские семьи (по крайней мере, городские) достаточно монолитные с точки зрения отношения и политических взглядов и отношения к протестам. Данные опроса Chatham House говорят, что 39,8% семей все их члены придерживаются одних политических взглядов. В нашем исследовании большая часть респондентов (42%) указали, что события 2020 г. никак не повлияли на отношения в их семье. Улучшение отношений отметило 14%, ухудшение – 11% (улучшение отношений в семье проявляется прежде всего в росте взаимопонимания и доверия друг другу; ухудшение – в избегании политических тем, недомолвках, конфликтах и ссорах по причине несовпадения политических взглядов). Еще 34% опрошенных указали, что с кем-то из членов семьи их отношения улучшились, а с кем-то ухудшились.

²⁸ Здесь нельзя не вспомнить Дж. Агамбена, выдвинувшего гипотезу о том, что гражданская война (что можно рассматривать как крайнее проявление коллективной травмы) начинается именно с политического раскола в семьях. См. например, Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. – М., Владимир Даль, 2021. – 190 с.

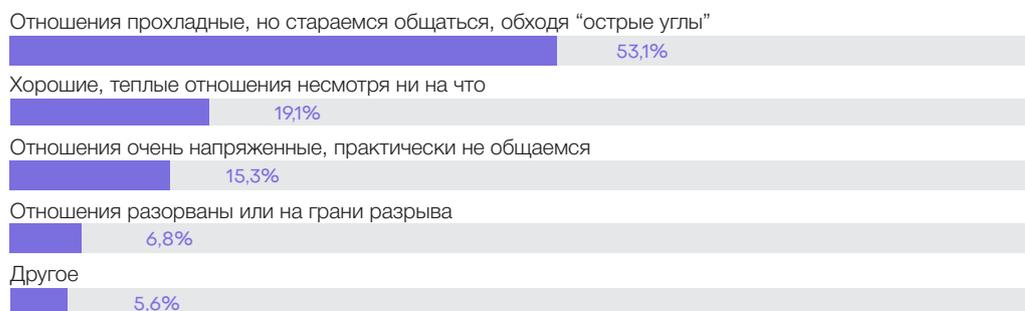
График 12. Распределение ответов на вопрос «Изменились ли отношения внутри Вашей семьи в связи с социально-политическими событиями в Беларуси, начавшимися в августе 2020 года?» (%)

Если обобщить, то получается, что то или иное ухудшение отношений в семье ощутили 44% опрошенных. Такие цифры согласуются с данными по другому вопросу: «Есть ли среди членов вашей семьи те, кто поддерживает действующую власть?». При ответе на него 45,2% респондентов указали на наличие таких родственников (у 48, % опрошенных таких родственников нет; 6,8% затруднились ответить на этот вопрос).

На сколько критичным оказалось влияние протестов 2020 года (связанных с ними политических разногласий и противостояния) на семейные отношения? Данные исследования говорят, что такое влияние есть, но оно не фатально. Среди тех, у кого есть родственники с иными политическими взглядами, больше половины (53,1%) отметили, что отношения хотя и ухудшились, но люди стараются общаться, обходя «острые углы». У 19% респондентов, несмотря на идейно-политические разногласия, в семье сохраняются «теплые» отношения.

График 13. Распределение ответов на вопрос «Если среди членов Вашей семьи есть те, кто поддерживает действующую белорусскую власть, как у Вас складываются отношения с ними?» (%)

В критическом состоянии внутрисемейные отношения находятся примерно у четверти респондентов: у 16% отношения напряжены вплоть до прекращения общения, а у 8% отношения уже разорваны или близки к этому состоянию. В пересчете на всю протестную аудиторию это означает, что по политическим причинам на критическом уровне отношения в семье находятся где-то у 10-11%. С человеческой точки зрения, это, конечно, печально, но на состоянии всего общества критически сказаться не может.

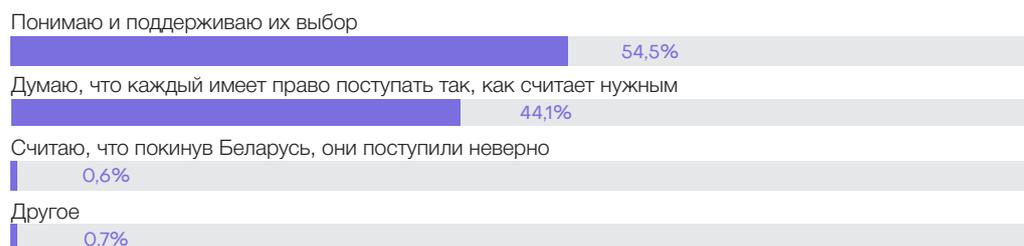
Исследования Chatham House подтверждают этот вывод. О том, что связанное с политическими вопросами напряжение в семье выводит отношения на уровень их разрыва или существенного охлаждения, свидетельствуют лишь 8,1% респондентов (2,3% – отношения разорваны или на грани разрыва, 5,8% – отношения напряженные, почти не общаемся).

Еще один важный поведенческий момент, ориентированный уже на будущее – миграционные настроения. Безусловно, здесь более уместно было бы проанализировать официальную

статистику миграции из Беларуси в течение и после 2020 года, но, к сожалению, в открытом доступе такая информация достоверного характера пока отсутствуют.

Результаты исследования показывают, что вариант «покинуть Беларусь» среди протестно ориентированной части белорусского общества воспринимается с пониманием и практически без какого-либо негатива. Это видно и по отношению к тем, кто уже покинул территорию Беларуси, и по собственным установкам. Так, принимают и откровенно поддерживают выбор тех, кто уехал из Беларуси в связи с событиями 2020-21 годов 54,5%, еще 44,1% говорят, что каждый имеет право поступать так, как считает нужным. Отрицательно к покинувшим родину белорусам относятся меньше 1% опрошенных.

График 14. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тем, кто уехал из Беларуси в связи с событиями 2020-2021 годов?» (%)

Если говорить о собственных миграционных настроениях респондентов, то в том или ином виде они свойственны более чем двум третям опрошенных: 10,2% уже предприняли определенные шаги для того, чтобы эмигрировать из Беларуси; 29,1% думают над этим, но пока не предпринимали никаких шагов в эту сторону; 28,3% хотели бы уехать, но не имеют возможности.

График 15. Распределение ответов на вопрос «Рассматриваете ли для себя возможность эмигрировать из Беларуси, в связи со сложившейся политической ситуацией?» (%)

Таким образом мы видим, что на уровне поведенческих реакций и установок складывается противоречивая ситуация: прошлый («протестный») опыт оценивается положительно; его влияние на базовые сферы бытия (общение в семье) существует, однако оно далеко не критическое; а вот взгляд на будущее перспективы существования в Беларуси – негативный, подталкивающий к мыслям о том, чтобы ее покинуть.

В итоге, если говорить о степени травматизации белорусского общества, то получается следующее. На уровне гипотезы мы предполагали, что, как и в случае с масштабом, степень травматизации белорусского общества событиями 2020 года будет весьма высокой. Данные исследования не подтвердили эту гипотезу в полном объеме – для различных составляющих оценки степени травматизации характерны различные направления динамики: эмоциональная сфера отличается высоким уровнем актуальной тревожности, а сфера оценок и поведения – амбивалентны, где «драматичному» ощущению будущего противостоит «идеализированное» видение прошлого.

Копинг-стратегии и вектора травма-динамики

Траектория развития травматического опыта – уход в травму или выход на посттравматический рост – зависит не только от масштаба и степени травматизации, но и от тех стратегий совладания с ситуацией, которую выбирает субъект.

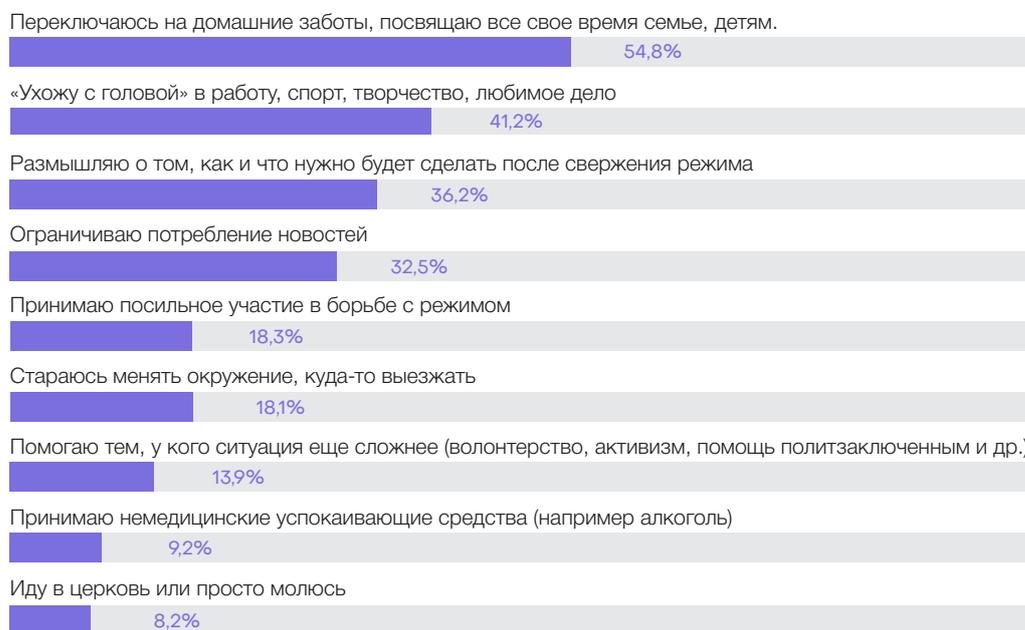
Копинг-стратегии

Копинг-стратегии – это те варианты поведения, которые выбирает субъект, чтобы избежать разрушения от жизненного напряжения²⁹ (это не только способ ответа на вызов стрессовой ситуации, но и вариант адаптации к ней³⁰).

Универсальных подходов и стратегий для того, чтобы справиться с травматичной, стрессовой ситуацией не существует³¹. В каждом конкретном случае каждый конкретный человек формирует свой собственный арсенал инструментов и механизмов для того, чтобы совладать с трудностями, стрессом, тревогой. Однако на уровне общества можно выделить основные направления, по которым происходит выстраивание стратегий противостояния и проработки травматического опыта, и определить возможные варианты оптимизации действий в этом направлении.

Наше исследование показывает, что в аспекте противодействия стрессам от коллективной травматизации в белорусском обществе, вероятно, доминирует стратегия самосохранения и смещения в безопасные пространства, (относительно) свободные от внешнего репрессивного давления. В первую очередь, это дом, семья, дети, на которые стараются переключаться больше половины респондентов (54,8%).

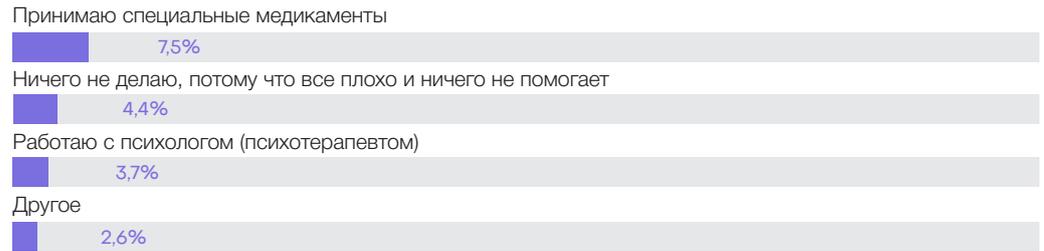
График 16. Распределение ответов на вопрос «Что Вы обычно делаете для того, чтобы справляться с тревогой, беспокойством, волнующими переживаниями?» (%)

²⁹ Pearlin, L.I., Schooler, C. The structure of coping / L.I. Pearlin, C. Schooler // J. of Health and Social Behavior. – 1978. – Vol.19. – P. 2 – 21. (p.2)

³⁰ Paulhan, I. Le concept de coping / I. Paulhan // Annee psychol. – 1992. – № 4. – P. 315 – 319

³¹ Carver, Charles S.; Connor-Smith, Jennifer “Personality and Coping”. Annual Review of Psychology.– 2010 – №61. – P. 679–704.

Также популярен вариант «ухода с головой» в любимое дело, в работу, спорт, хобби, творчество, что отметили 41% опрошенных. К этой же категории можно отнести и стремление ограничить чтение новостей, которое выбирают 32,5% респондентов.

На втором месте – стратегия продолжения борьбы и активного (по возможности) противостояния действующему режиму. В первую очередь, это построение планов (размышления) по переустройству Беларуси после смены режима (36,2%). Далее идут посильное участие – в данном случае не принципиально, информационное ли или «партизанское» – в борьбе с режимом (18,3%) и помощь тем, у кого ситуация сложнее через активизм, волонтерство, помощь политическим заключенным и т.д. (13,9%).

Третья стратегия – поиск внешних ресурсов. Например, в природе, путешествиях, смене окружения (18,1%) или в религии, в церкви, в молитвах (8,2%).

Четвертая стратегия – это чистая терапия, медикаментозная (7,5%) или профессиональная (3,7%), либо ее замещение псевдоуспокоительными (9,2%).

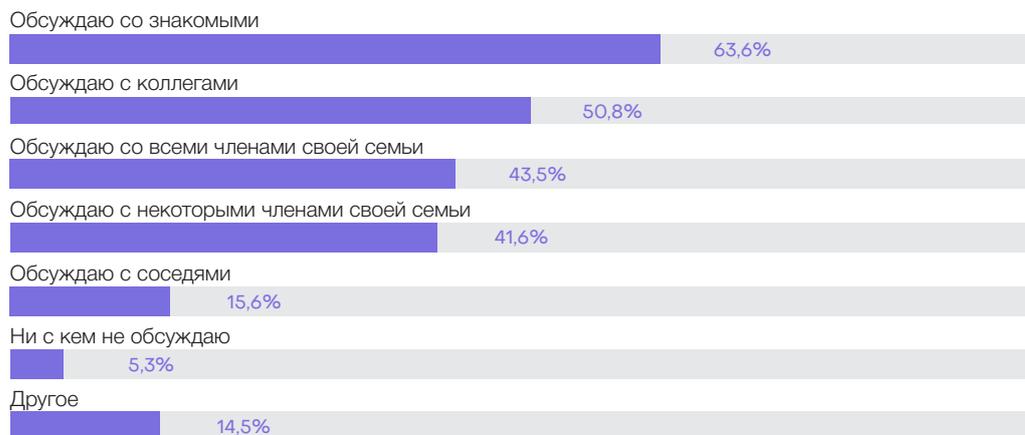
Отдельно обратим внимание на одну из самых малых групп – 4,4% выборов имеет позиция «ничего не делаю, потому что все плохо и ничего не помогает». Это, вероятно, самая травмированная часть респондентов, которой действительно требуется срочная профессиональная помощь.

Преобладание среди копинг-стратегий установок, не имеющих очевидно конфликтной составляющей, закономерно в условиях непрекращающихся репрессий. Здесь скорее удивляет, с одной стороны, сравнительно высокая представленность практик, направленных на сопротивление сложившейся в Беларуси ситуации, а с другой – небольшая популярность сугубо терапевтических мероприятий. Впрочем, последнее, к сожалению, может быть вызвано недостаточной развитостью культуры потребления психологических услуг.

Для понимания такой специфики распределения копинг-стратегий в Беларуси помогает анализ ответов на следующий вопрос – обсуждают ли люди с кем-либо события 2020-21гг.? И если обсуждают, то с кем?

Исходя из ответов видно, что круги общения, в рамках которых происходит обсуждение опыта 2020 года, широки и разнообразны – практически у каждого есть единомышленники, с кем можно проговаривать такие чувствительные темы. Почти 2/3 респондентов обсуждают протестные события со своими знакомыми, половина опрошенных разговаривают на эти темы с коллегами на работе, чуть меньше половины (43,5%) свободно обсуждают такие темы в кругу семьи (еще 41,6% могут разговаривать о протестах не со всеми, но с некоторыми членами своей семьи; подробнее о внутрисемейных процессах и их связи с протестами см. выше). Учитывая накал репрессий в Беларуси, столь высокий уровень возможностей для сенситивной коммуникации следует признать высоким и очень важным для проработки травматического опыта.

График 17. Распределение ответов на вопрос «Обсуждаете ли Вы с кем-либо события 2020-2021 годов?» (%)

Для понимания контекста отметим, что на уровне всего общества (городской его части³²), возможности такого обсуждения существенно ниже, а круги «обсуждения протестов» уже в 2-3 раза. Со знакомыми протестные события обсуждают 27,7%, с коллегами – 15,3%, со всеми членами своей семьи – 14,5%, с некоторыми членами семьи – 21,8% и т.д. Ни с кем не обсуждают протесты 45,5% опрошенных.

В условиях существующего репрессивного воздействия и контроля возможность проговорить, обсудить значимый опыт является имеет очевидный терапевтический эффект. И то, что в протестной среде тематическая коммуникация имеет крайне широкий охват, чрезвычайно важно. Такая всеобщая по масштабу коммуникация, сконцентрированная на протестной тематике, выполняет несколько важных функций:

- во-первых, на индивидуальном уровне безопасное проговаривание собственного травматического опыта в поддерживающей среде имеет очевидный терапевтический эффект и способствует формированию сохранного состояния у человека,
- во-вторых, такая коммуникация обеспечивает обмен поддержкой с единомышленниками (то есть и получение помощи, и одновременно ее оказание), что также является одним из важнейших форматов копинг-поведения
- в-третьих, коммуникация подобного рода способствует поддержанию в рабочем состоянии горизонтальной связей, наработанных в ходе протестов³³.

Кроме того, помимо обозначенных функций такое общение-коммуникация обеспечивает «низовую» рефлексию событий и поддержания своего особого семантического пространства, объясняющего особенности протестного 2020 года в условиях запрета на независимые СМИ.

Рефлексивная семантика протестов

Для выявления содержания этого смыслового пространства в исследовании задавался вопрос: «Как бы вы описали смысл, значение событий 2020-2021 годов года своими словами?» Вопрос задавался в открытом формате, то есть респонденты сами формулировали свои ответы (отметим, что не все опрошенные – порядка трети респондентов – смогли написать свою версию ответа).

³² Исследование Chatham House.

³³ О состоянии горизонтальных связей в белорусском обществе см. «Горизонтальные связи: что осталось от тех структур самоорганизации, которые возникли в 2020 году» <https://bit.ly/horizontal-con>

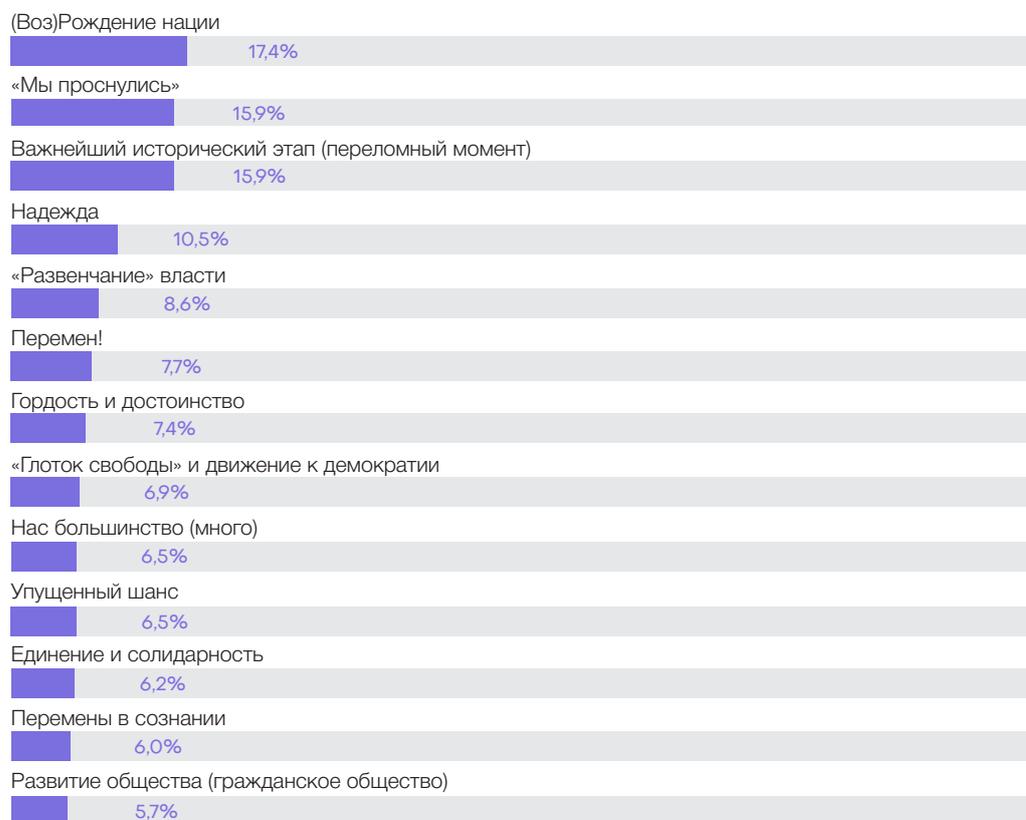
Полученные результаты удивляют своим оптимизмом. На фоне постоянных разговоров о расколах общества, провалах протеста и трагедиях Белорусской революции, в ответах о смысле 2020 года преобладают позитивные варианты. Доля ответов, смыслами которых были боль, разочарование, упреки в «рабскости», трусости и предательстве, равно как и иные откровенно негативные определения, едва превысила 1%. Еще одна группа ответов объединяется под формулировкой «Упущенный шанс» (6,5% выборов). Ее нужно рассматривать как амбивалентную, в рамках которой сочетаются и определенное сожаление, что 2020 год «так ничего и не поменял в лучшую сторону», и уверенность в том, что это «не конец боя».

Самая большая группа ответов – это все, что связано с рождением (возрождением, перерождением, взрослением) и трансформацией (утверждением, переутверждением) белорусов как отдельной и самостоятельной, политической нации. Сюда же входят ответы, касающиеся развития национального самосознания и идентичности, сплочения и народа-нации и гордость за принадлежность к нему.

- «Мы осознали себя нацией, силой, которая может изменить жизнь страны»
- «Зарождение нации, осознание необходимости демократических прав и свобод, сменяемости власти, желание жить в свободном обществе»

Второе и третье места делят взаимосвязанные блоки ответов, которые можно обозначить как констатацию собственного (и индивидуального, и коллективного) пробуждения и, утверждение важнейшего, переломного этапа в истории Беларуси.

График 18. Распределение ответов на вопрос «Как бы вы описали смысл, значение событий 2020-2021 годов года своими словами? (%³⁴)

³⁴ В таблице представлены проценты от числа ответивших на вопрос. Не смогли ответить на вопрос о смысле 2020 г. 28% респондентов.

Следующие далее позиции набирают меньше 10% выборов и в том или ином варианте оказываются связанными с вышеперечисленными смысловыми блоками. Так, например, «развенчание власти» можно рассматривать как предметную конкретизацию блока «мы проснулись» («маски с власти были сорваны...»). Позиция «Перемен!» коррелирует с блоком «Надежда», а «Гордость и достоинство» с «(Воз)Рождением нации» и т.д.

Обобщая, можем сказать, что главным содержанием, смысловым наполнением протестного 2020 года, по мнению опрошенных, является пробуждение и консолидация белорусов как нации, такой подъем народной силы, которого в новейшей истории Беларуси еще не было.

То есть, протесты, даже после их силового подавления, в большинстве своем не содержат травматических смыслов. Если говорить в логике Б. Гизена³⁵, произошло рождение субъекта-героя, который еще не выиграл, но и не проиграл (находится между триумфом и травмой). Этот тезис подтверждается анализом ответов на открытые вопросы о тех эмоциях, которые люди испытывают, когда а) видят фотографии или вспоминают о протестных маршах 2020 года и б) когда видят фотографии или читают свидетельства о насилии против несогласных с режимом Лукашенко.

По данным исследования, в первом случае подавляющее большинство³⁶ ответивших на вопрос говорят о душевном подъеме, гордости, надежде и желании повторить тот опыт. С большим отрывом от первой группы на втором месте находятся такие эмоции как грусть, сожаление, обида и разочарование; суммарно они набирают меньше трети выборов; на долю «боли и страха» приходится около 10%.

В случае со свидетельствами о насилии против протестующих доминирующими чувствами являются злость и ярость, которые подкрепляются возмущением, состраданием к потерпевшим и отвращением к силовикам (почти 90% респондентов³⁷). Грусть и обида в данном случае набирают чуть больше 5%, а «боль и страх» – чуть больше трети.

В результате мы должны сказать, что наша исходная гипотеза о том, что в рамках дихотомии «травма vs опыт» коллективная травматизация белорусского общества развивается преимущественно в сторону травмы, оказалась неверна.

По крайней мере на момент лета 2022 года мы видим, что сочетание стратегий на самосохранение и сильное сопротивление режиму, подкрепленные широкой горизонтальной коммуникацией и формированием позитивного нарратива относительно 2020 года (вкпе с доминированием эмоций проактивного спектра) не дают протестной части белорусского общества «заикнуться» на травматических переживаниях, упасть апатию и бессилие.

³⁵ Giesen B. Triumph and trauma. Boulder: paradigm publishers, 2004. 208 p.

³⁶ Подавляющее большинство от ответивших. Затруднились ответить на этот вопрос 28% респондентов. Сумма ответов может быть больше 100%, так как ответы респондентов могли одновременно попадать в несколько разных смысловых позиций.

³⁷ От числа ответивших. Затруднились ответить на этот вопрос 26% респондентов. Сумма ответов может быть больше 100%, так как ответы респондентов могли одновременно попадать в несколько разных смысловых позиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании мы концентрировались на анализе тех процессов, которые происходят в протестной части белорусского общества, получившей наибольшую долю травматического опыта от событий 2020-22 годов. Специфику травматизации как противников протестов, так и нейтральной части общества (которые, безусловно, также имеют место быть³⁸) мы оставляем для отдельных исследований. То есть все наши выводы касаются не всего общества, а только его пропротестной части.

Результаты исследования показывают, что протестная часть белорусского общества имеет практически 100%-й **охват** личным (физическим и/или эмоциональным) травматическим опытом: 30% пережили насилие над собой или над членами своей семьи; половина – видели насилие собственными глазами; остальные узнали о насилии над протестующими «из первых рук» (либо от тех, кто насилие пережил, либо кто видел его непосредственно).

Травматическое воздействие на протестную часть общества усугубляется как медийным фактором ретравматизации, так и различными формами репрессивного воздействия со стороны режима (профилактические беседы, увольнения, задержания, аресты), которое также имеет почти тотальный охват: 44% попали под репрессии лично или через членов своей семьи, 91% имеют репрессированных друзей, знакомых, коллег.

Как это ни удивительно, при этом говорить о высокой **степени** травматизации не приходится. Да, с одной стороны белорусское общество сейчас характеризуется высокой степенью тревожности относительно политически мотивированных репрессий, временной горизонт планирования сужен до «здесь и сейчас», распространены миграционные настроения. Но с другой стороны, негативных оценок своего протестного опыта практически нет. Наоборот, респонденты скорее склонны его героизировать и ориентированы на его повторение. Получается, что рефлексия прошлого (в духе логотерапии Виктора Франкла) некоторым образом компенсирует, терапевтирует трагизм настоящего.

Терапевтическому **преодолению травматического опыта** также способствует сочетание принятых стратегий на самосохранение и сильное сопротивление режиму, подкрепленные широкой горизонтальной коммуникацией и формированием преимущественно позитивного пропротестного нарратива. В рамках последнего события 2020 года интерпретируются как перформативные и судьбоносные не только для белорусского общества, но и для нации в целом (как на уровне индивидуальной идентичности, так и коллективного образа белорусов).

Сложившуюся в среде протестной части белорусского общества ситуацию можно квалифицировать как условно способствующую эффективному преодолению коллективного травматического опыта (то есть посттравматическому развитию в сторону не деструкции, но роста). Для дальнейшей положительной динамики есть в целом проактивно маркированная рефлексивно-семантическая база и преимущественно положительные эмоциональные оценки событий 2020 года.

При этом нужно понимать, что сейчас происходит дальнейшая травматизация белорусского общества – и в рамках непрекращающегося репрессивного воздействия со стороны несвергнутого режима Лукашенко, и через сохраняющуюся высокую тревожность с опасениями за собственную безопасность, и по причине риска десакрализации идеализированного по итогам 2020 года образа белорусов как нации (как минимум по факту того, что Беларусь является страной-соагрессором в российско-украинской войне). Это актуализирует задачу описания и внедрения в практику методов терапевтического, антитравматического воздействия на массовое сознание белорусов.

³⁸ См., например, Шрайбман А. «Освобождение 13 политзаключенных...» <https://t.me/shraibman/333>, Астапеня Р. ««Змагар» с «ябатькой» за один стол не сядут: раскол в обществе нарастает» <https://euroradio.by/zmagar-z-yabackam-za-adzin-stol-ne-syaduc-raskol-u-gramadstve-narastae>; Коршунов Г. «У сторонников Лукашенко травма — они осознали, что не большинство» <https://news.zerkalo.io/life/3266.html?tg>

Однако, как показывают данные исследования, в протестной части общества ощущается критическая **нехватка стратегических, концептуальных рамок описания** действительности – это «запрос на понятность». Необходимы общие смыслы, разделяемая и принимаемая большинством схема окружающего мира (прошлое-настоящее-будущее), а также определение своего места в нем. И если в случае с «прошлым» этот недостаток в принципе может компенсироваться существующим нарративом³⁹, то относительно «будущего» отсутствие перспективных визий, то есть плана или картины будущего, оказывает негативное воздействие.

Если суммировать вышеизложенное, то для эффективного преодоления последствий коллективной травматизации и выхода в перспективе на устойчивую траекторию посттравматического роста обществу нужна новая, релевантная актуальности картина мира – или вписанность травматического опыта в культурное (экспертное, художественное, политическое, историческое и т.д.) пространство⁴⁰.

Для эффективного преодоления травмы нам нужно знать, где мы выиграли и в чем проиграли, что нас объединяет и чем мы различаемся, где мы идем и куда стремимся – общество нуждается в реконструкции максимально общей для всех комплексной картины мира и утверждения себя в ней как полноценного субъекта. Главным словом в этом тезисе является, пожалуй, концепт «комплексная», который означает совместные усилия лидеров мнений по ясному и четкому объяснению того, что произошло, что происходит сейчас и что будет происходить в будущем.

³⁹ Считаем необходимым отметить, что нарратив, героизирующий протестный 2020 год, до сих пор остается в значительной степени гетерогенным и несистематизированным, что существенно снижает его эвристические и терапевтические возможности

⁴⁰ Иными словами, коллективная травма должна стать «культурной».

РЕКОМЕНДАЦИИ

На основании проведенного исследования протестной части белорусского общества мы считаем необходимым рекомендовать

НГО и НКО:

- развивать и создавать гайды, онлайн-курсы и программы по психологическому здоровью и поддержке. Определенные продукты и программы могут быть направлены на более глубокую поддержку активистов и сотрудников НГО. Другие должны касаться широкой аудитории, популяризировать внимание психологическому здоровью,
- расширять инфраструктуру психологической помощи – онлайн- и очные форматы, выездные и стационарные, групповые и индивидуальные, терапевтические и поддерживающие, волонтерские и на возмездной основе, организованные как отдельными НГО, так и в сотрудничестве с государственными (городскими) властями; ориентированные на работу не только со взрослыми, но и с детьми,
- развивать инициативы, связанные с возможностями описания желаемой Беларуси будущего простыми беларусами (могут быть очень конкретные визи: какая должна быть медицина, образование, городская среда, экологическая политика, фермерские хозяйства и проч.).

Экспертному сообществу:

- коллегиально разработать и предложить обществу свое концептуальное видение событий 2020 года с объяснениями их причин и последствий для белорусского общества (в целях консолидации тех смыслов, которые сегодня существуют в «горизонтальном» протестном нарративе – полноценно отразить травматический опыт и вписать его в новейшую историю Беларуси),
- расширить сферу своей экспертизы во временном масштабе – не только фиксировать существующие тренды, но анализировать долговременные тенденции с выходом на формирование перспективных и долговременного видения развития белорусского общества и государства (для предоставления как демократическим силам, так и широкой общественности Беларуси),
- предлагать дискуссионные планы и стратегии реформирования страны в целом и различных сфер по отдельности.

Политическим акторам:

- для компенсации отсутствующего видения будущего страны и своего места в нем разработать версию / версии стратегии развития Беларуси, которая может служить ориентиром для своих стратегий у беларусов в стране и в зарубежье,
- в посланиях и обращениях транслировать в общество позитивное видение будущего, опираться на опыт 2020 как пример солидарности белорусского общества, взаимной поддержки, развития национального самосознания и идентичности.

Медиа:

- в реализации своей деятельности по возможности «держать в уме» терапевтическую рамку, то есть стремиться не только к росту аудитории, что приводит к преобладанию негативной повестки, но и к освещению конструктивных моментов в деятельности гражданского общества, в том числе делая акцент на достижениях, успехах, перспективах,
- увеличивать количество материалов, персональных историй, медиа-продуктов которые направлены на усиление чувства солидарности, укрепление самосознания и идентичности белорусского общества, позитивной трактовки событий 2020,
- развивать аналитику, делая упор на производство смыслов, связанных как с прошлыми событиями, так и с планированием / видением будущего Беларуси как страны и беларусов как нации.

СПИСОК
ИСТОЧНИКОВ

1. Baehr P. Community of fate. The Blackwell Encyclopedia of Sociology, Singapore: Blackwell Publishing Ltd., 2007.
2. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46. №2;
3. BELARUS CHANGE TRACKER: June–August 2022 - <https://library.fes.de/pdf-files/bueeros/belarus/19563.pdf>
4. Carver, Charles S.; Connor-Smith, Jennifer. "Personality and Coping". Annual Review of Psychology. – 2010. – 61. – 679–704.
5. Felman Sh., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Taylor & Francis. 1992
6. Gaurav Patki, Ankita Salvi, Hesong Liu, and Samina Salim "Witnessing traumatic events and post-traumatic stress disorder: insights from an animal model" Neurosci Lett. 2015 July 23; 600: 28–32 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4702492/pdf/nihms699708.pdf>
7. Paulhan, I. Le concept de coping / I. Paulhan // Annee psychol. – 1992. – № 4. – P. 315 – 319
8. Pearlin, L.I., Schooler, C. The structure of coping / L.I. Pearlin, C. Schooler // J. of Health and Social Behavior. – 1978. – Vol.19. – P. 2 – 21. (p.2)
9. Sztompka P. The Sociology of Social Change. — Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993
10. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. – М., Владимир Даль, 2021. – 190 с.
11. Алампиев О., Биканов Ф. Результаты социологического исследования «Беларусы в Польше, Литве, Грузии: отношение к войне, помощь Украине, дискриминация» (август 2022) <https://library.fes.de/pdf-files/bueeros/belarus/19480.pdf>
12. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // Социологический журнал. – 2012. – №3 – С. 5-40., с. 6.
13. Астапеня Р. ««Змагар» с «ябатькой» за один стол не сядут: раскол в обществе нарастает» <https://euroradio.by/zmagar-z-yabackam-za-adzin-stol-ne-syaduc-raskol-u-gramadstve-narastae> ;
14. Бакалейник М. М. Клинические и социальные особенности комбатантов с посттравматическим стрессовым расстройством, совершивших противоправные действия: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М. 2005;
15. Бундало Н.Л. Актуальные вопросы этиологии посттравматического стрессового расстройства (обзор литературы) / Н.Л. Бундало // Сибирское медицинское обозрение. – 2007, № 1 (42).
16. «География белорусского протеста» // <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1aqJzKHZB1IewxPJxmH3RKIdYS055IHds&ll=53.51583078662906%2C27.96393252409684&z=7&fbclid=IwAR3lxmasq50xMxgX8KUFh1R9Fw0em7-qmlle42enJh6CUI5yjrOOPxtKrl4>
17. Горизонтальные связи: что осталось от тех структур самоорганизации, которые возникли в 2020 году <https://newbelarus.vision/wp-content/uploads/2022/06/%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%9E%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95-%D0%A1%D0%92%D0%AF%D0%97%D0%98.pdf>
18. Коршунов Г. «У сторонников Лукашенко травма — они осознали, что не большинство» <https://news.zerkalo.io/life/3266.html?tg>
19. Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов – М., Фонд научных исследований "Прагматика культуры" 2003.- 203 с.

20. «Массовые пытки в Беларуси: 2020 – 2021 (Четвертый промежуточный отчет: условия содержания в местах несвободы с августа 2020 года по май 2021 года)» <https://drive.google.com/file/d/1BdRF2t5umJl7JTD9mT7RaxPmeJdMJpbi/view>
21. «Приехал мой начальник из КГБ и сходу начал орать»: студент Ян Солонович — о своих 114 сутках ареста <https://reform.by/204383-priehal-moj-nachalnik-iz-kgb-i-shodu-nachal-orat-student-jan-solonovich-o-svoih-114-sutkah-aresta>
22. Проект «Голос улиц» <http://fly-uni.org/prastora/golos-ulicy-sociologicheskie-nabljudenija/>
23. Протесты в Беларуси: правозащитники насчитали 5 погибших и около 70 без вести пропавших. <https://zn.ua/WORLD/protesty-v-belarusi-pravozashchitniki-naschitali-5-pohibshikh-i-okolo-70-bez-vesti-propavshikh.html>
24. «ПТСР, выгорание, «травма свидетеля». Кто и как оказывает бесплатную психологическую помощь журналистам во время войны» <https://mbr.com.ua/ru/news/varia/4840-psixologicna-dopomoga-zurnalistam>
25. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией : (опыт теоретического и эмпирического анализа). – Москва : Весь мир, 2020.
26. Шрайбман А. «Освобождение 13 политзаключенных...» <https://t.me/shraibman/333>

ОБ АВТОРАХ

Генадзь Коршунов — старший исследователь Центра новых идей. Имеет степень PhD социологических наук, специализируется на анализе общественного мнения. Основные направления исследования: социальные структуры, процессы и институты, социология революции, процессы национального строительства, динамика медиапространства.
korshunau@newbelarus.vision

Максим Кудревич — независимый социолог, в рамках этого исследования является соавтором раздела «Поведенческий уровень». Специализируется на анализе общественного мнения, основные направления исследования: социальная философия, социальные структуры, процессы и институты, социология медиапотребления и социальных сетей, этика.

ПРО ЦЕНТР НОВЫХ ИДЕЙ

Центр новых идей — аналитический центр, посвященный возможностям развития и ответам на вызовы, которые стоят перед Беларусью в XXI веке. Наша миссия – помочь политическим и общественным организациям построить более открытую, процветающую и устойчивую Беларусь.

www.newbelarus.vision

Фото Павла Кричко

ЦЭНТР НОВЫХ ІДЭЙ